

МЕСТЬ ШЕЛКУНЧИКА

Продажно глядеть с экранов
В пустые очки и лупы,
Слепые хлопки тиранов
В оглохших ушах баюкать.

В ладонях холодных женщин
Задохшийся звук оглохнет.
И крошечный мозг от трещин
Как грецкий орешек лопнет.

ПОСМЕИВАЛАСЬ В ОЧКАХ Я...

Посмеивалась в очках я.
Увозили из ада.
И привозили в ад.
Привозили туда.
И увозили обратно.
Вперёд-назад.

Посмеивалась в очках я.
В провалы адовы
Всё падало на каблучках.
Я была девочкой
Из семейства Адамсов.
Месяцами Содома модное
Извлекала сквозь страх.

Посмеиваюсь в очках я.
Увозили из ада.
И долго падала моя
Красивая голова с гильотины.
А тот, кто на это смотрел,
Тот всё время
Мотал обратно
Непрекращающегося
Тарантино.

Написано в 90-е

ЧЁРТОВО КОЛЕСО

1

Папа-Дьявол. Тюрьма. Гильотина.
Он блюдет колдовской рацион.
Кровь младенцев. И красные вина.
И коньяк на десерт. И лимон.

«Буржуазно! – изрёк Инквизитор:
– Ананасы в шампанском! Эстет!
Суд отменит излишество пыток.
И нажарит улиток в обед.

Пусть приносит любой уголовник
За свободу за Вашу залог!
Вы получите вечность условно.
И в дорогу вишнёвый пирог».

Папа-Дьявол подвалы покинул.
И при том, что прослыл подлецом,
Он направился сразу к Лже-Сыну,
Что его называл Лже-Отцом.

Мама, вынюхав грамм кокаина
И швырнув обручальным кольцом,
Посадила в коробку Лже-Сына
И прикрыла в консерве тунцом.

Но, отвергнув дурное насилье,
Тот сбежит с недовольным лицом.
Бож.Коровка встречает Лже-Сына
И ведёт его в Аттракцион.

Он сидит в колесе Обозренья.
А с него весь видать Обозрев,
Где гуляют в кошмарном прозренье
Василиск, Одуванчик и Лев.

И Креветка, скрутившись средь устриц,
Им цитирует, с наглостью дет-
Скою, что говорил Заратустра,
Ну и что, соответственно, нет.

Папа-Дьявол запрыгнул неловко
В Колесо, где сидели вдвоём
И Лже-Сын, и та Божья Коровка,
Что все годы мечтала о нём.

Вот они в Колесе Обозренья.
А с него весь видать Обозрев.
Вот Коровка в любовном томленьи,
Папе-Дьяволу в ухо влетев,

Прошептала: «Мне очень неловко,
Но признаться придётся сейчас –
Я свершенно не Божья Коровка.
Мне нужна только кровка и власть».

«Вы Коровка? Нет, Вы – королева!
Я куплю Вам бриллианты и мех!
Вы скорее Лилит, а не Ева!
Вы вообще превосходите всех! –

Папа-Дьявол сказал. – Ваше право
Отказать мне и прочь улететь.
Только знайте – лишь Вы мне по нраву.
И за Вас я готов умереть!»

Бож.Коровка: «Я Вас не покину!
Вы на жизнь мне открыли глаза!
Пусть ползут по земле муравьиной
Муравьи, пусть хрустит Стрекоза

Тривиальным дурным вертолётном
В этом Догвилле мглы хохломской.
Хаос Ос, опадающий в соты
Русской тьмы, он давно мне чужой.

Муравьи, Мотыли да Улитки –
Покалеченной Яви Нули.
Бытие их – болотная пытка.
Щучья воля их мучить велит.

Их движенье мне кажется низким,
Землянистым. И мне по душе
Насекосмос, где звёзды искристы,
Где читают вам вслух Бомарше...»

Папа-Дьявол уносит Лже-Сына
С Бож.Коровкой в свои небеса,
Там, где бесы пьют красные вина
И младенцам дают леденца...

4

Мать предательством этим убита.
Что ей в космос унылый глядеть?
Тлеет месяц кошмарной улиткой,
Консервируя мреянье в Смерть.

Мать взяла кружевные колготки,
Завязала тугим узелком
И повесилась, вышла из гонки.
Разметалась над Чёрт-Колесом.

И кружится со скоростью дикой
Сумасшедшее Чёрт-Колесо.
Василиск, Одуванчик и Тигр
В искажённое смотрят лицо.

И дрожат от нелепости страшной
Очевидности Небытия.
Кружевными колготками ветер завяжет
Белокурые косы ея...

.....

Как клыкаста дурная потеха.
Хохотал над толпой Махаон...
Просто куколка в комнате смеха...
Закрывается Аттракцион.

ПЕТЕЛЬКИ

Ваши улицы словно петельки,
Узелочки мертвецких лиц.
Вас притягивает эстетика
Обязательных виселиц.

Сюрреальные тени власовцев,
Соловецких ли мертвецов...
Вас затягивает сверхбезвластие
Тех неласковых Соловков.

ГОВОРИЛ ЖЕ ЗАРАТУСТРА

Наша психика крепка!

В. Емелин

Говорил же Заратустра,
Заходя издалека:
«Никаких хороших русских.
Только красное ЧК!»

Завещал В. И. вам Ленин
Сегрегацию. И вмиг,
Зерна отделив от плевел,
А хороших – от плохих,

Самый главный сегрегатор,
Инквизитор и палач
Возвещает: «Больше ада!
Тише, Танечка, не плачь!»

Нам приходит установка,
Носят списки из ЧК.
Это что за остановка,
Где не плачет Та-неч-Ка?

Где одёргивает платье,
Выходя из тан-чи-ка.
Вот такое She's In Parties
На балу у маньячка!

Русский мир. ГУЛАГ. Катарсис –
От звонка и до звонка.
Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес,
Наша психика крепка!

МАМА – ЭМПАТИЯ...

Моя мама – эмпатия,
Папа – новая этика.
Здесь вступают как в партию
В одноцветное это всё.

Живоцоевы сказочки
Здесь, ловясь на живца,
Любят в ласковых саночках
Привозить мертвеца.

Без труда получается
Антибог – только БОД.
Но и БОД отрицается,
Ибо папа – исход

Вымирания нации
Под ковидной волной.
Снова на демонстрации
Молодой Виктор Цой.

Наша мама – инерция.
А наш папа – КОВИД.
В этом русском Освенциме
Русский же геноцид.

И бредут по этапам все,
Эпатажно бранясь, –
Моя мама, эмпатия,
Не рожала б меня!

Наша мама – эмпатия.
Мама – спецоперация.
На советском плакате вы
Мертвецы в инсталляции.